Добавил(а) протоиерей Андрей Лобашинский
29.07.09 18:48 -

Есть времена, в которых жизнь катится по наезженной колее, и весь порядок вещей представляется неизменным и незыблемым. Но есть эпохи, когда все окружающее сдвига-ется со своих привычных мест и носится как плохо прикрепленный стол во время качки в кают-компании, все сокрушая на своем пути.

Христианину не пристало бояться истории, которая принадлежит Богу, и, в извест-ной степени, людям, их выбору и усилиям. С пришествием на Землю Христа Спасителя история приобрела Богочеловеческий характер, и это положило начало новому миру, в котором Бог спасает мир через Церковь, посредством Церкви и в Церкви. Это возлагает на христиан великую ответственность и заставляет его чувствовать боль всего мира, как свою собственную, и свидетельствовать о спасении, данном Богом Отцом в Своем воз-любленном Сыне – Иисусе Христе.

Мир, в котором мы живем, скажем откровенно, в своем большинстве, это свиде-тельство отверг, может быть, во многом благодаря персональному недостоинству христи-ан, забывших о своей великой миссии быть светом миру. И поэтому наша боль о мире, за-бывшем Бога, растворена печалью о своей греховной немощи, мешающей нам свидетель-ствовать о Христе прежде всего своей жизнью.

Христианину в этом миру живется всегда трудно. Эта аксиома, несмотря на ее ба-нальность, очень по-разному переживается в разные эпохи и тем более разными людьми. Нет нужды спорить, что современная жизнь является для нас вызовом – вызовом нашей совести, вере и, конечно, любви… И вполне естественно в этой ситуации смотреть на происходящие в мире процессы с чувством страха, а может быть, и некоторого злорадст-ва. Но говорить и полагать, что лишь сегодня окружающий мир ополчился на христианст-во, а человеческая мораль, реализуемая на практике нашими современниками, стала силь-но отличаться от норм нравственности наших родителей, не говоря уже о нормах Священ-ного Писания, можно только в том случае, если мы будем сознавать, что евангельские слова о мире, лежащем во зле, сказаны не сегодня, а очень давно и навсегда стали диагно-зом смертельной болезни, поразившей все человечество. И только тогда можно будет по-нять, почему мир, попытавшийся в своей христианской части построить общественную жизнь по законам Евангелия, потерпел фиаско и элементарно вернулся в свое естествен-ное состояние. Вернулся вместе с людьми, обычаями и всей культурой. И потому разлад между совестью христианина, который не имеет права на это фиаско, и теми нормами по-ведения и отношений между людьми, которые естественны для людей неверующих, неиз-бежен. В реальной жизни это может выглядеть вполне трагично, потому что этот внут-ренний разлом, помимо чувства дискомфорта, рождает в человеческом сердце гамму очень противоречивых чувств по отношению к миру, к своим обязанностям в этом мире и по отношению к людям, которые в этом мире живут. Протоиерей Александр Шмеман пи-сал: «человек, чувствующий себя абсолютно комфортно в секулярном и нехристианском мире, вероятно, перестал быть христианином…Но тот, кто одержим ненавистью к совре-менному миру и страхом перед ним, также выпал из подлинной православной традиции.»

Но то, что происходит сегодня вокруг нас рождает страх в многих сердцах. Апока-липсис, напоминающий о смерти мира, может, но не должен пугать. Хотя бы потому, что он открывает нам не столько конец мира, сколько начало нового, того, в котором нет смерти и греха, а есть вечная радость и любовь Божия.

Во многом наше отношение к сегодняшним процессам формируется под влиянием убеждения в универсальности и уникальности христианской веры и упования. Спасение

было предложено всему миру, и этот мир в итоге отверг Христа, самоопределившись в земном устроении жизни. Для христианина эта реакция, безусловно, выглядит апокалип-тичной, и естественно для нас испытывать тревогу за грядущий сценарий мировой драмы. Хотя при этом, возможно, не следует забывать, что для целых континентов и культур на-ша претензия на универсальность нашей веры и видения истории, выглядит по меньшей мере странной. Но в свете нашей веры этот факт совершенно не способен нас освободить от чувства ответственности за исход человеческой истории, наоборот придает трагиче-скую остроту нашему христианскому знанию и чувству конечности этого мира и его об-щественной истории..

Но и здесь нам стоит вспомнить, что для первых христиан пришествие Христа в этот мир означало начало конца этого мира и рассвет новой эпохи, грядущего Царства Христова, которое ощущалось как почти наступившее. Строго говоря, с точки зрения пра-вославной веры, это совершенно справедливо, потому что Христос Своим пришествием, образно говоря, поставил точку в земной истории, но нас от этой точки отделяет неиз-вестный промежуток времени, который мы именуем историей нового мира. И сознавая, что этот очаровательный и грозный мир является не главной ценностью в глазах верую-щего человека, мы все-таки любим и заботимся о нем, как о среде, в которой происходит наше созревание для вечности, и в которой идет невидимое сражение за спасение челове-ка, за его способность вылупиться из земной скорлупы в эту вечность Небесного Царства.

Священномученик Серафим (Чичагов), богослов и агиограф начала XX века, соста-вивший знаменитую «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», говорил, размышляя о судьбах мира в годы российской смуты, что кончина мира наступит тогда, когда челове-чество полностью распишется в своей неспособности (или нежелании) служить Богу. Рас-писалось ли человечество окончательно и бесповоротно в этом, знает, безусловно, только Господь. Но определенные факты жизни современного общества действительно дают пи-щу для невеселых размышлений.

Да, вполне очевидно, что традиционно христианские страны уходят от своих кор-ней все дальше и дальше, словно стыдясь за свое воспитание и происхождение. История двадцатого века с предельной ясностью показала, что жить в мире и согласии с Церковью, даже внешне, государство, а точнее вся новая европейская цивилизация не может и кате-горически больше не хочет. И вновь перед христианством встал вопрос о смысле истории, в которой не остается места для Церкви, и своем месте в такой истории - насколько близко мы подошли к подлинному концу истории, о котором дружно заговорили теоретики ново-го постиндустриального мира, или эта простая очередная смена эпох и цивилизаций, ко-торая рождает обычные в таких случаях ожидания конца мира…

Тем не менее, определенно, что мы оказываемся свидетелями сознательного по-прания не только евангельских норм нравственности, но и определений ветхозаветного закона. Процессы, превращающие человечество в бездонную воронку потребления «зем-ных благ» становятся всеохватными в мировом масштабе. Мораль, как регулятор общест-венной и частной жизни вытесняется аморальной толерантностью, лишенной четких нравственных критериев и границ. Уже не забота о выживании, а безудержная жажда на-слаждений и комфорта стала двигателем технического прогресса. Даже культура, как про-изводное от религиозной традиции, становится объектом потребления, но уже больше не формирует ни вкусы, ни тем более нравственные

правила поведения. Формирует ментали-тет новых поколений то, что мы называем массовой культурой, или точнее, антикульту-рой. И этот перечень может быть продолжен…

Мир балансирует. Балансирует на очень тонкой грани, отделяющей его от той бездны конца истории, из которой выбраться будет уже практически невозможно. И здесь каждая человеческая душа, каждое сердце, выбирающее Бога и Его любовь, гораздо весо-мее и драгоценнее, чем сотни и тысячи пустых сердец и душ, опустошенных грехом и не-верием. И потому мы будем судить о длительности земной истории не по количеству и степени человеческих грехов, а по количеству праведников и просто людей, ищущих Бога, жаждущих Его Любви, Его Правды и Его Царства. И основание для такого настроения мы найдем в Священном Писании.

Подумаем о том, что на самом деле больше всего нас отделяет от Царства Христова не столько наше личное недостоинство или нравственная слабость, сколько непонимание нашего места в мире и той духовной ответственности, которой мы наделены нашей верой и крещением. Наша жизнь, не как присутствие, а как свидетельство, наша православная вера, наша христианская и человеческая любовь – это та грань, который отделяет этот мир от его конца. Это надо понять со всей полнотой нашего сознания, разума и воли.

Конфликт между духом христианства и государственной идеологией возник еще на самой заре новой христианской эры, несмотря на все усилия первых христианских общин доказать свою государственную лояльность. Вспомним настойчивые призывы апостола Павла к первым христианам о необходимости сохранения искренней лояльности по отно-шению к государственным порядка Римской империи. Государственная власть, однако, всегда смотрело с христиан с подозрением, потому что инстинктивно чувствовало при-зрачность своей власти над христианским сердцем, полным любви и преданности Богу. Государство требовало любви и преданности только себе и своим законам. Но парадок-сально, что в минуты испытаний и катаклизмов, во времена нашествия врагов именно христиане оказывались самыми верными и самоотверженными защитниками Отечества и государства. Это в итоге убедило государство в лояльности христиан и Церкви. Так в ис-торическом опыте Церкви возникла теория и практика симфонии, т.е. союза Церкви и Го-сударства, как двух сил, имеющих общую цель, но различные области влияния и способы управления.

Но закон Божий, живущий в сердце любого верующего христианина, слишком час-то вступал, и доныне вступает в противоречие с законом человеческим, государственным, несущим всю ограниченность и греховность человеческой природы. И потому в душе ве-рующего всегда актуальна дилемма между юрисдикцией Христа и Велиара. Здесь прояв-ляется подлинное напряжение жизни христианина в миру, которое вынуждает его мерить христианской совестью окружающую жизнь. Еще на заре христианства среди первых хри-стиан, ощущавших себя гражданами Небесного Иерусалима, возник вопрос, как относить-ся христианину к окружающему миру, не принявшему Христа, и потому потенциально враждебному. И святыми отцами Церкви был дан единственно возможный ответ, навсегда запечатленный в Священном Предании Церкви: К миру следует относиться ни бесчув-ственно, ни тем более чувственно, а сочувственно.

Этот принцип можно образно перевести на пример жизни верующего человека в неверующей семье, членов которой он сердечно любит, о которых заботится, о которых, конечно же, молится, но неверие близких для него не повод для осуждения, а источник

скорби и особенной молитвы за их просвещение и спасение. Если мы научимся так жить в окружающем мире, то поймем, как важен и ответственен каждый наш шаг.
Конечно, для любого христианина – это совсем непраздный вопрос. Но и не фа-тальный. «К смерти готовься – а жито сей» - эта простая народная мудрость отражает про-стое христианское отношение к любой, даже самой кризисной исторической ситуации, потому что не во власти человека узнать время кончины мира, определенное Творцом и Создателем этого мира, но во власти христианина идти в этом мире вслед за Христом, ос-тавляющем 99 овец и спасающим одну, готовую погибнуть.